

Michael James Moore

СЛОМАННАЯ ЛИНЕЙКА

Фантастический рассказ

Логарифмическая линейка сломалась пополам под пальцами Картера. Он уронил обломки на стол и, подняв голову, встретился глазами с Сесилом Харди. Картер сказал:

— Я так хочу этого, Сесил, я так хочу!

Двигались только его губы. Зубы оставались стиснутыми.

Харди медленно наклонил голову.

— Я знаю, Уолтер. Я понимаю тебя.

— Понимаешь?

Картер поднялся и склонился над готовальной. Он стоял спиной к Харди.

— Понимаешь? Я растил его чуть ли не с пеленок. Я сделал из него человека. Я сделал из него самого лучшего человека, который когда-либо учился в Академии. Я видел, на что он способен, и потому я отдал ему все, что у меня было, и он впитал это, как губка. Дальний Космос у него в крови. Он... — Картер замолчал, потом добавил: — Если бы молодой Уолт не погиб, он бы стал таким же, как Лайтнер. Понимаешь теперь, какво мне?

Харди поднялся со стула и положил руку на плечо Картеру. Он повернул его к себе лицом и сказал:

— Я знал об этом все эти годы, Уолтер.

Стальная пружина, казалось заключенная в спине Картера, ослабла.

— Ты хочешь сказать, что это было заметно?

Харди улыбнулся и покачал головой.

— Нет. Не заметно в том смысле, в каком ты это понимаешь. Я знал, потому что в мои обязанности входит знать об этом и потому что мы с тобой старые друзья. Я видел выражение твоих глаз, когда ты смотрел на Лайтнера. Но никто больше не замечал.

Картер выдохнул и провел рукой по ежику стальных волос.

— Я старался не показать.

— Ты и не показал. Ты хорошо держал себя в руках. Может быть, даже слишком хорошо. Лайтнер думает о тебе совсем не так, как ты о нем.

— Я знаю, я не мог позволить ему догадаться о моих чувствах. Это было бы невыносимо. И он должен попасть в Дальний Космос, хотя бы в награду за все эти годы. В один прекрасный день парень станет начальником космонавтов. И когда этот день наступит, он будет лучшим человеком, чем я. Он обязан это сделать — для меня, для себя, для всей Земли. Такие люди встречаются редко. И они нам нужны.

Харди взглянул на хронометр и сказал:

— Что ж, скоро мы узнаем. Он сейчас спускается на автолете к городу. Мне пора к приборам.

Он обернулся к пульту.

Картер подошел к нему, остановился рядом и сказал: «Сейчас».

Харди вопросительно взглянул на него.

— Зачем испытывать Лайтнера? Он все эти годы настолько превосходил остальных. Мы можем спокойно обойтись и без испытания.

Глаза Харди расширились.

— Уолтер, не может быть, чтобы ты говорил это всерьез. Это последнее испытание — единственный способ заглянуть в душу человека. Его эмоции при возвращении домой скажут нам — настоящий ли он разведчик Дальнего Космоса или просто еще один искусный космонавт. У нас нет другого пути узнать об этом. И ты знаешь, что мы обязаны это сделать. — Он помолчал и сказал: — Почему ты боишься этого испытания, Уолтер? Может быть, ты знаешь что-нибудь неизвестное мне? Ты боишься, что Лайтнер не выдержит?

Пружина в спине Картера снова напряглась.

— Разумеется, нет. Давай начинай испытание. Мальчик его выдержит.

За тысячу миль от них авиолет Лайтнера опустился на небольшую поляну. Лайтнер не выключал двигателя, пока не осмотрелся. Вечерело. Ветерок угас, и воздух спокойно лежал на земле. Лайтнер откинул голову назад и вдыхал запах нагретой солнцем травы. Он посмотрел на юго-запад, на садящееся солнце и увидел дуб. Дуб совсем не изменился. Какой это был сук? Третий сверху? Прикрыв глаза ладонью от солнца, он внимательно присмотрелся к суку, но на нем не осталось никаких

следов воздушного змея, висевшего там несколько лет назад. Даже сейчас, глядя на сук, Лайтнер чувствовал размытые временем страдания мальчика, который увидел, как погибал на суку воздушный змей. Он улыбнулся, вспомнив теплый голос отца, руку его на своем плече, вспомнив, как они сделали новый змей, лучше старого, который летал много дней подряд.

Лайтнер пошел по дороге к городку. Сначала он шел быстро, но затем воспоминания заставили его замедлить шаги. Где это было, здесь? Нет, вон там, где рос колючий кустарник, там он и Джо Нобб гонялись друг за другом. В конце концов они отправились домой вместе, сплошь покрытые царапинами и ссадинами. Лайтнер хмыкнул. Старик Картер не был бы в восторге от его доблести в том бою.

Впереди последний поворот, и над ним, как и раньше, нависая над дорогой, стояла старая ива. Лайтнер прошел под ней, по тоннелю в ветвях, прорубленному, чтобы могли проезжать машины. Ствол ивы окружали кусты, и сквозь них виднелось кладбище. Лайтнер различал могильные плиты, белые на фоне зелени. Он поглядел в ту сторону, где были похоронены отец с матерью, и свернул было с дороги, но передумал. За поворотом дорога превратилась в широкую полосу бетона, которая и была Главной улицей. Лайтнер остановился и посмотрел вдоль нее.

Солнце садилось за спиной, и косые лучи окрашивали улицу в красноватый цвет. Редкие прохожие проходили по тротуарам, да изредка проезжал автомобиль и исчезал за углом. Мягкие звуки голосов и урчание моторов доносились сквозь пелену теплого воздуха. Лайтнер покачал головой. Ничего не изменилось. Вот он, его город. В то время когда люди стремятся к звездам, он стоит такой же, каким был и сто лет назад. Изменят ли его следующие сто лет? Лайтнер снова покачал головой и ступил на тротуар.

Он миновал гараж Мэрфи, примостившийся под деревьями на краю городка. Потом прошел мимо группы людей, одного из которых он знал. Они вопросительно посмотрели на стройного человека в форме Старшего кадета-космонавта, который молча шел мимо. Но никто не сказал ни слова до тех пор, пока он не поравнялся с аптекой Мартина.

Мистер Мартин отделился от стоявших у двери аптеки, подошел к нему и спросил:

— Уж не сын ли ты Лайтнера?

Лайтнер улыбнулся, протянул руку и сказал:

— Здравствуйте, мистер Мартин.

Мартин пожал руку и, не выпуская ее, обернулся к остальным и сказал:

— Посмотрите, кто к нам приехал. Это же сынишка Джона Лайтнера.

Группа распалась на отдельных людей, и они окружили Лайтнера. Многих из них он знал, пожимал им руки и говорил, что у него все в порядке.

Потом наступил момент, когда приглашения зайти в гости были сказаны и свежие новости исчерпаны. Наступило молчание, и они стояли, улыбаясь ему и поглядывая вниз по улице. Лайтнер видел, что они понимали, он хотел пойти дальше и уви-

деть свой дом, и им не хотелось загромождать ему путь. Он помахал на прощание рукой и пошел дальше.

Он прошел мимо кормовой лавки, возле которой фермер грузил на грузовик мешки с концентратом. До Лайтнера донесся сухой сеной запах концентрата. Он повернул за угол, прошел два квартала и понял, что перед ним дом Агнес Мур. Он поглядел на темный портик и вспомнил тот давнишний вечер, когда портик тоже был темным.

Там же была и лавсочка, на которой он и Агнес сидели тогда, не говоря ни слова, ощущая, как кровь громом стучит в сердце. Круглое плечо прилегало к его руке, и наступил момент, когда дыхание их оборвалось, чтобы, вернуться потом прерывистым и быстрым. И в этот момент ее отец неожиданно появился на дорожке у входа и обнаружил их сидящими на разных концах лавочки. И если он что-нибудь и заподозрил, то не подал вида, кивнул им и вошел в дом.

Лайтнер улыбнулся, вспомнив об этом. Он не чувствовал волнения, только слегка удивился тому, что когда-то все это представлялось ему значительным. В доме Муров горел свет, но он не стал поворачивать к их двери.

Он пошел дальше и через квартал остановился перед своим домом.

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО

Дом был не освещен — очевидно, его нынешние хозяева ушли. В нем мало что изменилось. Живая изгородь была подстрижена ниже, чем раньше, и вдоль дорожки выросли новые кусты. Дом недавно покрасили. Это был его дом, и он стоял перед ним в сгущающейся темноте и смотрел на него. Воспоминания заполнили его сердце и завладели умом.

А в тысяче миль оттуда два человека напряженно всматривались в кривые, выписываемые приборами на бумажных лентах.

Лайтнер смотрел на дом, потом поглядел на деревья, окружавшие его. Сквозь ветви их проглядывали звезды. Лайтнер отступил на середину улицы, откуда он мог видеть вечернее небо. Он стоял, широко расставив ноги, запрокинув голову, и смотрел на звезды. И звезды, казалось, смотрели на него.

Далекие солнца улыбались ему и маняще подмигивали. Как женщина, подумал он, далекая, холодная, но зовущая — зовущая прийти и познать неведомое, ощутить горячие волны скрытого пламени. У Лайтнера перехватило дыхание.

Это была его жизнь. Для нее он был создан. Долгие годы обучения, занятия и труд, отказ от всего ради того, чтобы стать существом этих далеких солнц. Много старалось помешать ему, но он победил. Картер, старик Картер наказывал его так, как не наказывал никого в Академии, — длинными часами работы, когда остальные отдыхали, постоянной практикой, направленной к совершенству, которого не достиг никто, кроме него. Но он им показал. Он не отказывался ни от чего, он впитывал все,

как губка. Теперь его не остановить. Он был готов к Дальнему Космосу.

Руки Лайтнера медленно поднимались, пока не вытянулись вверх. Так он и стоял — ноги, широко расставленные, голова откинута назад и руки, протянутые к звездам.

Воздух бился у него в горле. И этот звук вернул его к действительности. Он уронил руки, обернулся и побрел к дому. Дом возвышался перед ним в темноте, и он улыбнулся ему сдержанной, сухой улыбкой. Приятно было увидеть его, но что он здесь делает? Он и не принадлежал этому дому. Он взглянул вверх. Там, высоко в Дальнем Космосе, была его судьба. Он громко рассмеялся и почувствовал, как им овладевает беспокоество. С поющим сердцем он возвращался к автолету. Он шел быстро, не глядя по сторонам.

Харди откинулся на кресле, кончив изучать графики. И прежде чем он заговорил, Картер увидел решение по его лицу, а Харди понял, что Картер знает. Он перегнулся через стол и накрыл ладонями руки Картера.

— Уолтер, мне очень жаль. Мне в самом деле очень и очень жаль.

Картер не ответил.

Харди сказал:

— Ты же понимаешь. Человек должен верить в нечто большее, чем его стремление. У него должны быть корни.

Картер ничего не ответил.

— Этому мальчику не к чему возвращаться. У него нет настоящей связи с Землей. В глубине сердца он не думает ни о нас, ни о своей планете. Ему ничего не нужно, кроме Дальнего Космоса, он ставит его превыше всего.

Картер ничего не ответил.

Харди сжал руки Картера и потряс их.

— Уолтер, послушай, этот мальчик — фанатик. И мы не можем допустить таких людей в Дальний Космос. Он не для тебя, не для космонавтов, не для Земли. Неужели ты этого не видишь?

Картер поднял голову, и Харди увидел его глаза. В них горела ярость, которой Харди никогда прежде не видел.

Картер вздохнул и хотел заговорить, но Харди перебил его:

— Не говори этого, Уолтер. Пойми, что, когда этому мальчику придется попасть в необычные обстоятельства, его решения могут быть неразумными. Он может действовать нормально, но есть шанс, что это будет не так. Он настолько любит Космос, что он неуравновешен; человек должен любить что-то больше, чем то, чему он посвящает жизнь, иначе он становится фанатиком и ему нельзя доверять. То же самое сейчас творится и с тобой. Ты любишь этого парня, но... как это говорится?

Тебя б я вполонину не любил,

Коль не любил бы больше честь свою...

Это и есть ответ на все.

Картер опустил голову на руки. Он сидел неподвижно, но потом руки его дрогнули и пальцы побелели от напряжения... Он протянул руку и подобрал половинки сломанной линейки. Он держал их на ладони, смотрел на них и затем поднял глаза к Харди. Ярость в них исчезла. Он сказал:

— Все в порядке, Сесил. Спасибо тебе. Большое спасибо.

И он выкинул обломки линейки в мусорную корзину.

**Перевел с английского
Кир. БУЛЫЧЕВ**

